

Пока Увэй не заговорил.

— Нравится, нравится!

Е Цзиньнянь резко очнулся и обнаружил, что его Ма Чао уже сделал четверной убийство, а последнего соперника как раз преследовал Увэй.

Не повезло — этот внутриигровой голос напрямую выдали в эфир режиссёром.

А следом зазвучал и проникновенный ответ Е Цзиньняня:

— Это может загладить боль, что ты испытал в прошлых раундах?

В его голосе слышалась та особенная насмешливость, присущая старым собакам LPL.

Слова были шуточными, хайп — неминуемым, а кара — от Цзючжэ.

Цзючжэ слушал голос из эфира, и его лицо потемнело на несколько тонов.

— Нельзя нормально играть в игре? Какие пошлости вы обсуждаете?

Цзючжэ сверкнул взглядом на Е Цзиньняня, которому было как-то безразлично, в углу, и в итоге перенёс огонь на того, кого проще было обидеть:

— Увэй, ты...

Е Цзиньнянь как раз крутил в руках телефон и вдруг поймал взгляд Цзючжэ.

Этот взгляд был как нож, полосовавший Увэя снова и снова.

Увэй стоял там с безобидным красивым лицом, словно большая собака, промокшая под дождём.

Е Цзиньнянь языком ткнул в щеку и прервал:

— Кто ж знал, что этот чёртов режиссёр это выпустит? Мы-то тут при чём?

Он шагнул вперёд, оттянул Увэя за спину — этот защитный жест не требовал объяснений.

Увэй замер, взгляд упал на спину Е Цзиньняня.

Плечи стоявшего перед ним человека были слегка развёрнуты, он как раз закрывал его большую часть.

Волосы у того немного растрепались, наверное, от слишком резкого движения, несколько непокорных прядей торчали и отливали светлым золотом в свете ламп.

Увэй не ожидал, что Лю Нянь из-за него станет пререкаться с Цзючжэ...

Ради него?

Конечно... нет.

Он просто хотел посмотреть на этого мужчину.

— Ладно, ты всегда прав, — голос Цзючжэ был холоден, словно пропитан льдом.

За долгие годы тренерства он накопил огромный авторитет, и ещё ни один игрок не осмеливался снова и снова бросать вызов его границам.

Так его пробивать.

Е Цзиньнянь смотрел на рассерженного хомячка и уголки его губ незаметно дёрнулись.

Он провёл языком по нёбу, собираясь ответить колкостью, но вдруг Увэй резко схватил его за запястье.

Горячая ладонь без лишних слов зажала ему рот, заткнув ещё не произнесённый ответ обратно в горло.

Увэй хоть и впервые контактировал с Лю Нянем, но о том, что творилось у того в QG, Увэй был наслышан.

Он не знал, почему тот пришёл в Него, но раз Лю Нянь наконец-то смог выйти на сцену, ни в коем случае нельзя, чтобы из-за конфликта с Цзючжэ его убрали из основного состава.

— Не ссорься с тренером Чжэ...

На расстоянии вытянутой руки стоящий перед ним человек нахмурился и покачал головой.

Густые ресницы Увэя отбрасывали мелкие тени в свете лампы, напряжённая линия челюсти

выдавала мольбу, а жар ладони был просто невыносимым.

— Тьфу!

Е Цзиньнянь отвернулся, кадык дёрнулся, проглатывая готовую сорваться с губ насмешку.

Цзюку, увидев это, тут же схватил Цзючжэ и начал улаживать конфликт:

— Успокойтесь, дети же не понимают, что творят~

Последние слова он растянул, а сам то и дело косился на реакцию Е Цзиньняня.

Кондиционер в комнате отдыха гудел, Е Цзиньнянь чувствовал тепло, оставшееся на запястье.

Он выругался про себя: чёрт, это только ради красивого лица Увэя.

— Сколько же Лю Няню лет, тренер Чжэ, это же просто переходный возраст, не сердитесь~ не сердитесь~

Цзюку тем временем успокаивал Цзючжэ, а Увэй с Цинжуном причёсывали шёрстку Е Цзиньняню.

Они вдвоём усадили Е Цзиньняня на диван, как успокаивают разъярённого кота.

— У тренера Чжэ такой характер, считай, что у него климакс, — не выдержав, Цинжун вдруг прыснул. — Но правда, как вы вообще осмелились так тогда говорить!

Воздух внезапно застыл.

Е Цзиньнянь медленно поднял веки, и его обычно смеющиеся глаза сейчас словно покрылись тонким слоем льда.

— Не лезь не в своё дело.

Хриплый и ледяной голос заставил улыбку Цинжуна мгновенно застыть на лице.

Характер у него такой — вспыхивает с пол-оборота...

Конечно, нет!

На самом деле Е Цзиньнянь знал, что не стоило так говорить, Цинжун просто хотел разрядить обстановку.

Но он не мог себя контролировать.

От того, что он непонятным образом попал в это тело, и до того, что только что на сцене он не мог управлять даже собственными руками — всё это доводило его до грани.

Это чувство бессилия, словно ядовитая змея, грызло его разум.

Хорошее отношение к Увэю было лишь потому, что то лицо действительно соответствовало его вкусам и временно отвлекало.

Что же касается этого мидера...

Цинжун, да? А его слова, которые тот начал в него плевать, он ещё помнит!

<http://bllate.org/book/18959/1859234>